

СЕКЦИЯ 4. МОВА І СТЫЛЬ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

ЭПИГРАФЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА АНТОКОЛЬСКОГО

И. С. Балабанович

*Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь, balabanovich_i@mail.ru*

Объектом исследования выступили стихотворные произведения П. Антокольского, которым предписаны эпиграфы, предметом – структурные и семантические особенности интертекстуальных связей, возникающих при введении в поэтический текст эпиграфа, в идиостиле изучаемого автора. Рассмотрены типы и функции эпиграфов в творчестве П. Антокольского. Сделан вывод о «диалогичности» взаимодействия авторского текста и эпиграфа как характерной черте идиостиля П. Антокольского. Связь между эпиграфом и дальнейшим текстом всегда выражена формально на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, установление исключительно ассоциативной связи между «чужим» текстом эпиграфа и авторским произведением не характерно для творчества изучаемого автора. При этом наблюдается тенденция к предписыванию эпиграфов не единичным стихотворениям, а их объединениям (циклам, сборникам), а также более крупным поэтическим произведениям (поэмам и их отдельным частям).

Ключевые слова: Павел Антокольский; поэтический текст; эпиграф.

Павел Григорьевич Антокольский – поэт, драматург, переводчик, для творчества которого характерно стремление, с одной стороны, подчеркнуть преемственность предшествующему опыту мировой литературы, с другой, найти свое особенное место в бурно развивавшемся литературном процессе XX века. Одним из средств такого включения творчества в интертекстуальное мировое пространство стали эпиграфы, к которым П. Антокольский относился внимательно. Особенностью его творчества можно считать то, что он редко предписывал эпиграфы отдельным стихотворениям, чаще – более крупным текстам (например поэмам) и поэтическим циклам, сборникам.

Эпиграф для П. Антокольского – это важная часть стихотворения, как бы определяющая его сущность, что может находить отражение в заглавии произведения: два стихотворения, датированные 1945 и 1975 годами, названы «Стихи под эпиграфом». При этом в первом случае эпиграф из тютчевского «Цицерона» находит многочисленные отголоски в тексте самого стихотворения, потому что лирический герой П. Антокольского принимает строки Ф. Тютчева на свой счет, лирическое «Я» «узнает» себя лично и все свое поколение в тютчевском местоимении «кто»: «Счастлив,

кто посетил сей мир / В его минуты роковые – / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир», – написал Ф. Тютчев [3, с. 189]. П. Антокольский так определяет своего лирического героя и тех, кто родился с ним в одно время: «Я только трезвый виночерпий / На грозном пиршестве времен», «Мы – трудовое поколение. / Мы вовремя явились в мир». Кстати, следует обратить внимание и на расхождение приведенного эпиграфа с канонической ныне версией стихотворения Ф. И. Тютчева: «счастлив» вместо «блажен», тире вместо восклицательного знака. Во втором случае происходит то же самое, только лирическое «Я» П. Антокольского действует более смело: оно метафорически соотносит себя с ручьем, вступая в прямой диалог с текстом эпиграфа, при этом 3-е лицо эпиграфа становится 1-м: «Ручей столько натаскал камней и песку, / Что вынужден был переменить свое русло» (Леонардо да Винчи) – «Нет, русла я не изменил...» [3, с. 434].

Эпиграфы выступают «плашками», по которым можно проследить литературные ориентиры П. Антокольского. Любопытно при этом, что он сам отмечал: своими литературными учителями считает А. Блока и В. Брюсова (а внучка поэта Анна Тоом и ее муж Андрей в предисловии к сборнику ранее не изданных произведений отметили также сильное влияние на него Черубины де Габриак [5]). Однако эпиграфов из их текстов П. Антокольский не использует. Ни с А. Блоком, ни с В. Брюсовым, ни с Е. Дмитриевой (работавшей под псевдонимом Черубина де Габриак) лично П. Антокольский знаком не был. А вот с Мариной Цветаевой, которая одной из первых высоко оценила стихи молодого поэта, он не только был знаком, но дружил долгие годы. Позднее в мемуарах П. Антокольский написал о ней: «Пылкая дружба соединила нас. Имя этой дружбе поэтическое братство. Любви между нами не было» [4]. Из текстов М. Цветаевой П. Антокольский охотно брал эпиграфы к своим стихотворениям. Например, произведению «Калиостро» [3, с. 369–372] предшествует эпиграф «Плащ цвета времени и снов, / Плащ кавалера Калиостро...», не только дублирующий имя заглавного героя, но и ассоциативно вводящий смысловые мотивы «времени и снов», развиваемые далее. Для П. Антокольского в целом характерны «диалоги» с эпиграфами. В том числе цветаевскими. Например: «Дарю тебе железное кольцо» (Марина Цветаева) – «Где ж оно, железное кольцо? / Там, где смерть Кошечки в океане», – задает вопрос и сам же на него отвечает лирический герой П. Антокольского [3, с. 454]. Кстати, далее в тексте стихотворения точно так же в вопрос (правда, уже риторический) вводится неточная заковычанная атрибутированная цитата из того же стихотворения М. Цветаевой «Бальмонту», начало которого взято в качестве эпиграфа: «Где ж они – “бессонница, восторг, / Бездна”, данные Мариной?» [3, с. 454].

Возвращаясь к вопросу об эпитафиях как литературных ориентирах П. Антокольского, следует назвать авторов, из текстов которых поэт заимствует фрагменты. В основном это классики мировой и русской литературы: И. В. фон Гёте [2, с. 44; 2, с. 195], Ф. Вийон [2, с. 226; 2, с. 228], А. С. Пушкин [2, с. 348; 3, с. 84; 3, с. 317], Ф. И. Тютчев [2, с. 189; 3, с. 376], А. С. Грибоедов [2, с. 196], И. А. Бунин [3, с. 427]. Обращается П. Антокольский также к «Слову о полку Игореве» [3, с. 11; 3, с. 267]. Кстати, немецкоязычные тексты И. В. фон Гёте могут приводиться в оригинале (например, в эпитафии к «Ночному дозору», когда данное на иностранном языке начало эпитафии «Wer ruft mir?» в первых строках оригинального произведения переводится: «Кто позвал меня?», тем самым создается «диалог» между эпитафией и текстом) [2, с. 44–45]. Также фрагменты из произведений немецкого классика могут приводиться в переводе на русский язык, как в стихотворении «И снова в беспечной погоне...», где эпитафия вводит метафору («Мне время служило, как ткацкий станок, – / Я бога одел с головы и до ног»), которая в стихотворении развивается и получает новую формулировку в конце («И вертится с визгом основа / На ткацкой машине времен») [2, с. 195].

Эпитафия может быть взята и из «нехудожественного» источника, например из СМИ, как в стихотворении «Ночь в селении Казбек» [2, с. 330–331]. В качестве эпитафии приводится сообщение с «расплывчатым» указанием источника – расширенной атрибуцией «из газет» – о том, что «неподалеку от селения Казбек обнаружен разбившийся почтовый самолет». Лирический герой стихотворения, включенный в неопределенную общность, обозначенную местоимением «мы», становится свидетелем трагедии: «Мы мчались в ту ночь по военно-грузинской дороге...». При этом интересен хронотоп стихотворения: планы реального и нереального, сна и яви, пьяного бреда и здравого восприятия действительности, смерти и жизни смешиваются, лирическое «мы» встречается с летчиками из разбившегося самолета (во сне? в бреду алкогольного опьянения?), точно так же смешению подвергаются темы разговоров с летчиками: о реальном и нереальном, о житейском, повседневном и о высоком (о «стране, где решаются судьбы столетия»); но это смешение становится как бы контрастным фоном, «подсвечивающим» ноты героически-патриотического пафоса.

Другой яркий пример использования в качестве эпитафии нехудожественного текста – стихотворение «Памяти матери» [2, с. 439]. Произведению предписан эпитафия: «Мой мир уже кончен. **Ее последние слова**». И снова П. Антокольский вступает в «диалог» с эпитафией, раскрывая метафору «мой мир», как бы вступая в коммуникацию с самой умершей:

«Твой мир – это юность в сыром Петербурге...». Стихотворение автобиографично, оно описывает непростой жизненный путь матери поэта Ольги Павловны, которая, как вспоминал П. Антокольский в автобиографии, «ис-тово растила и воспитывала четырех маленьких детей-погодков» [1]. В целом в произведении, написанном предположительно в 1935 году, уже угадываются мотивы поэмы «Сын», созданной позже, в годы Великой Отечественной войны, и посвященной утрате еще одного близкого для П. Антокольского человека – сына Владимира.

«Диалогичность» взаимодействия эпиграфа и авторского текста характерна не только для стихотворений П. Антокольского, но и для более крупных текстов – поэм. Например, поэмы «Кощей», которой предписаны два эпиграфа – из «Русских народных сказок» А. Н. Афанасьева и из творчества А. С. Пушкина [2, с. 348]. И снова эпиграфы дублируют имя заглавного персонажа, которое непосредственно в тексте вводится сразу, в данном случае – во второй строке.

Драматическая поэма «Франсуа Вийон» интересна тем, что она разделена на части – и каждой части предписан свой эпиграф: из Ф. Вийона [2, с. 226], Ф. Рабле [2, с. 254] и снова из Ф. Вийона [2, с. 287]. Эпиграфы как бы «предсказывают» настроение каждой из частей, готовят читателя эмоционально к тому, чего ожидать. Поэма написана на волне интереса П. Антокольского к духу Французской революции, есть у него и другая поэма той же проблематики – «Коммуна 1871 года», есть стихотворения «Робеспьер и Горгона», «Санкюлот».

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что «диалогичность» взаимодействия авторского текста и эпиграфа является яркой чертой творчества П. Антокольского. Связь между «чужим словом» эпиграфа и «своим словом» оригинального авторского текста всегда выражена формально с помощью лексического и синтаксического повтора, параллелизма, включения эпиграфа и начала произведения в единую вопросно-ответную конструкцию и др. Установление исключительно ассоциативной связи между эпиграфом и авторским произведением не характерно для творчества П. Антокольского. При этом наблюдается тенденция к предписыванию эпиграфов не единичным стихотворениям, а более крупным текстам (поэмам) и комплексным поэтическим единицам – стихотворным циклам и сборникам.

Библиографические ссылки

1. Антокольский П. Г. – русский поэт, переводчик, эссеист [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz-pisatelei.ru/forum/51-638-1> (дата обращения: 21.01.2021).

2. Антокольский П. Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы, 1915–1940 / сост. и подгот. текста Н. Банк и А. Тоома ; Вступ. ст. Л. Левина. М. : Худож. лит., 1986.
3. Антокольский П. Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Стихотворения и поэмы, 1941–1976 / сост. и подгот. текста Н. Банк и А. Тоома. М. : Худож. лит., 1986.
4. Баскин Л. Имя на поэтической поверке. Павел Антокольский // Стихи.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2020/03/06/4950> (дата обращения: 23.01.2021).
5. Тоом Анна, Тоом Андрей. Павел Антокольский: неизвестные и малоизвестные стихи // Семь искусств [Электронный ресурс]. URL: <https://7iskusstv.com/2011/Nomer11/Toom1.php> (дата обращения: 15.12.2020).